

Две модели общества, редукционизм и антиредукционизм

В. Е. Кемеров

зав. кафедрой социальной философии УрГУ

доктор философских наук, профессор

Сближение научного обществознания с миром повседневности вызвало массу эффектов, в частности усилило позиции критиков научной рациональности. Однако более важным для самого научного обществознания следствием стала конкретизация его взглядов на мир повседневности и выработка новой методологической стилистики, соответствующей типу актуальных практических и теоретических задач.

* * *

Оказавшись «внутри» мира повседневности, обществознание, обладающее различными средствами фиксации и описания социального бытия, по ходу своего погружения в обыденность отобразило многообразие этого мира, его неоднородность, его несводимость к некоей абстрактной характеристике повседневности. Повседневность «в общем виде» — напоминающая, кстати, метафизическое представление бытия или социальной реальности «в общей форме» — перестала существовать*.

«Погружение» научного обществознания в мир повседневности не только лишало его некоторых познавательных привилегий, но и заметно повлияло на его методологию и мировоззрение. Само представление об обществе стало радикально меняться. Жесткая, одномерная рамка общества оказалась слишком простой, чтобы выразить изменения, происходящие в социальном мире на рубеже XX и XXI столетий. Возникли вопросы об исторической и методологической относительности этой рамки и о перспективной методологии исследования и трактовки общества.

* См. подробнее: Кемеров В.Е. Связность обществознания и проблематизация повседневности// Социумы, 2004, №10.

Две модели общества

Вопросы чисто теоретические, например вопрос о системе общества, — стали все более трактоваться в плоскости практических интересов. Нужно ли систему общества рассматривать в перспективе сохранения ее структуры или в плане изменения этой структуры; две перспективы дадут две разные модели: структурно-функциональную и трансформационную, модель сохранения и модель развития (сама схема сохранения в этих моделях будет выглядеть различно). Вопросы определения системы общества перестали быть только логическими, поскольку сама возможность общества как системы оказалась в зависимости от процессов его воспроизведения, изменения, развития и от субъектов, реализующих эти процессы. Различные картины общества стали рассматриваться как вариации системных его представлений. В плане историческом и типологическом они сопоставляются как классическая и постклассическая. В плане практическом они могут трактоваться как различные модели использования и развития человеческих ресурсов (как ресурсов сохранения и развития общества).

По *первой модели* общество существует как особая форма, независимая от бытия человеческих индивидов. Представляется нормальным мыслить общество как некое вместилище для людей; люди заполняют его «помещения», разделяются его перегородками, связываются его законами; и все эти структуры, разделяющие и связывающие людей, можно трактовать и использовать так, как будто люди не влияют на их воспроизводство и изменение. Конечно, в этой концепции предполагается использование людей для обслуживания структуры общества, ее сохранения и обновления. Но индивиды учтены в этой концепции не в их специфическом бытии, разнообразии и особенностях, а как сырье и энергия, необходимые для возвышающегося над ними и действующего у них за спиной общества.

Такое понимание (и применение) модели общества неизбежно производит *редукционистскую методологию**. На практике это означает, что структуры и институты общества поглощают жизнь и деятельность людей. В теории эта методология производит квазиприродные картины и схемы общества, где социальные формы представлены как натуральная обстановка жизни людей, а сами люди как природная сила, адаптированная к этой обстановке.

* И производится редукционистской методологией. Во второй половине XIX в., когда редукционизм сознательно и намеренно применяется в качестве научного метода, он и служит главным инструментом перевода этой картины в ранг научной теории.

Вторая модель представляет общество как результат взаимодействия человеческих индивидов; оно не может существовать обособленно от них, за их спинами или над их головами, оно возникает и воспроизводится в их совместной и индивидуальной жизни, оно живо до тех пор, пока люди воспроизводят его своим взаимообусловленным бытием. Конечно, люди могут быть представлены в составе надындивидуальных субъектов, подсистем, субкультур, — главное, что общество (его воспроизводство, его сохранение и изменение) оказывается в зависимости от взаимодействия людей. Полагается предел представлению общества как натуралистической данности, квазиприродной структуры, особой вещеподобной системы. Бытие общества в его становлении, сохранении и обновлении зависит от того, как взаимодействуют различные человеческие индивиды. Здесь намечен — и требует дальнейшего прояснения — иной, нежели в прежней модели, принцип воспроизводства социальных форм. Они воспроизводятся не за счет редукции человеческих индивидов, их различий, особенностей, качеств, а за счет связывания их различных качеств, сил, способностей. Общество лишается доступа к ресурсам воспроизводства и обновления, если в нем не образуется связь различных форм человеческого бытия. Реализация этой модели заставляет пересмотреть отношение к научной и практической ценности методологии редукционизма. И что важнее — ставит весьма трудный вопрос о корректировке этой методологии, ее границах, ее дополнении, а, может быть, и о ее замене.

Редукционизм и строгая наука

Значительное развитие редукционизм получил в ходе построения и взаимодействия классических философских систем. Однако в пределах философии он оставался «спекулятивным», в том смысле, что он «подсказывал» такие решения задач, которые предполагали сведение конкретного научного и обыденного человеческого опыта к неким общим философским допущениям и интуициям, редукцию особого бытия людей, культур и обществ к абстрактным характеристикам бытия, истории, субъекта.

В процессе становления научного обществознания редукционизм сыграл главную методологическую роль, но это уже был не философский редукционизм, сводящий конкретику к философским абстракциям, а редукционизм, взращенный естествознанием и его стандартами научности, объективности, общезначимости. Само отделение «науч-

ного» от «ненаучного» в обществознании происходило во многом под влиянием норм и стандартов естествознания, в особенности — теоретической механики. Тезис о сведении человеческих взаимосвязей к «логике вещей», об уподоблении социальных взаимодействий вещам принимается как важнейшая методологическая установка и действует в обществознании почти столетие (остается для многих исследователей важным ориентиром вплоть до наших дней).

Другой важный момент, требующий специального комментария, это связь методологии редукционизма и структур социального воспроизводства обществ индустриального типа. Развитие этих структур в производственно-экономической и правовой сферах приводит к деиндивидуализации общественной жизни, поскольку в указанных сферах начинают доминировать связи и эталоны, сопоставляющие абстрактно-социальные качества людей и соответственно «жертвующие» их индивидуальными различиями. Выявляется четкое разграничение формально-социальной и частно-индивидуальной жизни людей. Большие подсистемы общества: производство, право, образование, наука, политика (в значительной мере и культура «как сфера») — ориентированы на использование и умножение формально-социальных аспектов бытия людей. Частно-индивидуальная жизнь людей оказывается «по ту сторону» жестких социальных структур, но остается в поле обществознания благодаря представлениям, не подчинившимся редукционизму, а также благодаря формам вненаучной рефлексии жизни, традиционной культуры и религиозности.

Формирующееся обществознание, вырастая из определенной социально-практической почвы, по-своему выражает и преломляет структурность этой социальной основы: предметы и методы определяющихся дисциплин «следуют» за логикой воспроизводящихся социальных связей, фиксируют доминирующие типы деятельности, затем — дополняющие их, а потом «решают» проблему их разграничения и взаимосвязи. В сопоставлениях и противопоставлениях дисциплин зарождающегося научного общественнонаания находят выражение практические различия форм социальных связей и типов деятельности людей: выявление предметов и методов дисциплин социально-гуманитарного познания оказывается не столько следствием сознательной методологической работы ученых, сколько результатом воспроизводства определенной структуры социальности (определенной «логики вещей» — как любили говорить мыслители XIX в.).

Разумеется, редукционизм можно рассматривать как универсаль-

ную методологию человеческой деятельности, сводящую сложное к простому, неявное к явному, немереное к исчисленному. Но в плане становления и развития научного обществензнания редукционизм играет особую роль. Причем, следует подчеркнуть, эта особая роль довольно быстро меняется, порой незаметно для самих участников этой истории.

На первых порах редукционизм работает как инструмент сведения различного к тождественному в человеческой деятельности, индивидуального к коллективному в человеческих взаимодействиях, специфического к общему в определении общественных форм. Так возникают представления о классах и группах людей, об отраслях и сферах их деятельности, о структурах, обеспечивающих воспроизводство их жизни. Так формуруются детали, из которых может быть скомпонована картина общественной жизни, представлена модель общества, в которой эти «части» находятся в определенном соотношении и соподчинении. То, что эта картина груба и приближительна на первых порах не так важно. Важно, что открывается перспектива научного изучения общества, а, стало быть, и научно обеспеченного воздействия на него.

Так в конце XIX в., когда встал вопрос о применении марксовской методологии социального анализа к исследованию социально-экономического положения России, В.И. Ленин исследует связь становления методологии обществензнания с конкретным этапом движения истории и возможность применения сформированного методологического аппарата к меняющемуся материалу общественной жизни. Он, в частности, пишет: «Г. Струве очень справедливо указывает, что игнорирование личности в социологии или, вернее, ее устранение из социологии есть в сущности частный случай стремления к научному познанию...»*. Акцент здесь делается не на «частности» случая, а на «стремлений к научному познанию».

В другом месте, характеризуя материализм как гипотезу социологии, он отмечает, что эта «гипотеза впервые создала возможность *научной* социологии, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественно-исторических формаций естественно-историческим процессом»**. Значение метода редукции для научного обществензнания выражено вполне определено. Однако остается вопрос: существует ли грань

* Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. I. С. 427.

** Там же. С. 138

в использовании этого метода на стадии становления научного обществознания и в его применении к исследованию конкретного бытия людей?..

Примерно в то же время во Франции ту же самую методологическую проблему в контексте своих собственных исследований рассматривает Э. Дюркгейм. В «Метод социологии» он пишет: «Нам нужно... рассматривать социальные явления сами по себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов. Их нужно изучать извне, как внешние вещи, ибо именно в таком качестве они предстают перед нами»*. Дальше он поясняет это так: «...Когда социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений»**.

Классики, создатели социальных наук, шли на определенные жертвы качества ради создания самой социальной науки, ради возможности строить в ней соответствующие теории и использовать их. В перспективе предполагалась конкретизация этих теорий, их приближение к реалиям жизни самих людей. Однако фактически положение дел в общественных науках складывалось так, что основанные на редукционизме схемы часто выступали в роли готовых теорий, в качестве инструментов социального проектирования и практического действия.

Концепция общества, «стоящего» над людьми и редукционистская методология оказались тесно связанными; общество отчуждается от индивидов (и в теоретическом, и в практическом смысле) за счет того, что его структуры редуцируют в свое воспроизводство деиндивидуализированные силы людей, оставляя за пределами социальности их различия, их особенности, их самобытность. Так собственно создается «двойная» онтология общества: 1) онтология структур и 2) онтология людей, — отсюда и разнообразные дуализмы: структурного и агентного, объектного и субъектного, социального и гуманитарного.

Антиредукционизм как неклассическая реакция

Ученые и философы, признававшие значение, в том числе и социальное значение, индивидуальных, конкретных, специфических качеств, неотъемлемых от бытия людей, не могли согласиться ни с ролью

* Дюркгейм Э. Социология. М., 1995, С. 52

** Там же. С. 67

редукционизма, ни с претензиями основанных на нем социальных наук.

Негативные реакции на методологию редукционизма подкреплялись еще и тем, что он был существенным фактором преодоления классического философского образа человека как субъекта сознания, тем, что он фактически способствовал разрушению классического гуманизма с его схематизмом человека как средоточия неотчуждаемых возможностей и достоинств. Ориентация на новую онтологию человеческой совместной и индивидуальной жизни, стимулируемая редукционизмом, оборачивалась сильными упрощениями и наталкивалась на разделение труда в обществознании, на противопоставление социального и гуманитарного познания, соответствующие редукционистской стилистике. Продуктивная, казалось бы, направленность на воспроизведение полноты, многогранности, энергетики человеческого бытия, трансформировалась в плоскую онтологию, где это бытие представлялось суммой схем, полученных путем предельных упрощений. «Здесь мы достигаем точки, в которой пандестерминизм превращается в редукционизм. Поистине только отсутствие различения причин и условий дает редукционизму выводить человеческие феномены из субчеловеческих и сводить человеческие феномены к субчеловеческим. Однако человеческие феномены, выводимые из субчеловеческих, превращаются просто в эпифеномены... Вчерашний нигилизм провозглашал «ничто». Нынешний редукционизм проповедует «не что иное, как»*.

Существенным фактором, поставившим под вопрос методологическую роль редукционизма, оказался переход передовых разделов естествознания на *неклассический* путь. «Оглядка» социальной науки на классическое естествознание сыграла с ней плохую шутку. В то время как социальная наука пыталась уподобить изучение людей изучению вещей в классической механике, естествознание приступило к исследованию *неклассических объектов*, то есть объектов (волн, полей, частиц), вещами не являющихся. Логика вещей теряла свою гносеологическую и онтологическую опору; вещь больше не являлась аксиомой исследования, а взаимодействие вещей — его элементарной клеточкой или рамкой соотнесения. Сведение совместной и индивидуальной жизни людей к логике вещей утрачивало свою прежнюю научную привлекательность.

Так или иначе, возникала проблема альтернативной методологии в обществознании. В начале XX в. эта тенденция проявлялась как

* Франк В. Человек в поисках смысла. М., 1990, С. 84

маргинальное движение обществознания: у социальных наук намечались теневые спутники, и в каждой из них — социологии, психологии, истории — обнаруживались признаки работы теневых школ.

Парадоксы развития обществознания становятся предметом философского анализа, поскольку в них отображаются противоречия философии и науки, познания и культуры. В. Дильтей пытается обосновать специфику обществознания и выдвигает, в противовес натуралистически ориентированному познанию, область «наук о духе». Это науки, нацеленные на описание социально-исторических явлений и событий в их конкретности, целостности, индивидуальности, опирающиеся на особые методологические процедуры («понимание» — например), которые не сводят уникальность событий или индивидов к общим законам, но фиксируют образ их специфической реализации.

В. Виндельбанд и Г. Риккерт фактически обосновывают двойственность методологии как для познания в целом, так и для обществознания. Они разделяют и противопоставляют виды познания не по предметам, а по методам: обобщающий метод формирует предмет, который мы называем «природа», а индивидуализирующий метод указывает на сферу жизни (и ее особые проявления), которую мы называем «культура». Поскольку это разделение носит прежде всего методологический характер, оно касается не только различия естественных и общественных наук, но распространяется и на ситуацию «внутри» обществознания, где могут быть выделены по преимуществу обобщающие и по преимуществу индивидуализирующие дисциплины; более того, эта методология может быть применена и в трактовке отдельной дисциплины. В пределе эта методология означает, что любая дисциплина может быть и обобщающей и индивидуализирующей, но одно из этих качеств достигается за счет жертвы другим.

Как это ни странно на первый взгляд, но методологическая гипотеза Г. Риккерта получила много подтверждений в обществознании XX столетия. Легко определимы «полярно ориентированные» направления, например — бихевиоризм и гуманистическая психология, физикалистская социология (Ландберг) и «социальное действие», структурный функционализм и этнометодология.

Кризис структурной социальности, выявленной редукционистскими процедурами, не был одномоментным; в нем можно выделить некоторую последовательность ступеней. И если в отношении социальной практики такую градацию провести довольно трудно (в разных регионах процесс обнаруживал особые формы протекания),

то, рассматривая социальные теории XX в., это сделать значительно легче.

Первая позиция в этом перечне принадлежит концепции социального действия М. Вебера, распространившейся в 30-е гг. XX в., и размножившейся в дюжине модификаций, включенных в непохожие, порой враждебные — как социальная феноменология и структурно-функциональный анализ — направления. В плане методологии это была неклассическая социальная концепция, отвергающая логику вещей, натуралистический редукционизм, объектные стандарты, подчеркивая внимание к ценностным ориентациям людей. Принципиальным моментом этой концепции было понимание социальной как взаимосвязи (в значительной степени — взаимоориентированности) двух или более индивидов. Важность этого момента становится ясной при сопоставлении социального действия с позитивистскими концепциями труда и поведения, где специфически человеческие качества индивидов редуцировались к структурообразующим формам и вещественным эталонам деятельности. В социальной практике концепция социального действия оказалась в числе факторов, обеспечивших переход от экстенсивной к интенсивной экономике с ее ориентациями на социальную организацию производства, качество деятельности, качество жизни.

До 60-х гг. концепция социального действия переживала инкубационный период, пребывая «внутри» Больших теорий или служа дополнением к ним. Она могла трактоваться как вариант того самого микросоциального подхода, что допускался теперь в общественных науках, чтобы скомпенсировать жертвы качества, возникавшие в применении Больших теорий. Но вскоре, вступив в резонанс с практическими тенденциями постиндустриализма и с методологическим наступлением социальной феноменологии, критической теории, гуманистической социологии, этнометодологии, она оказалась средством переоценки Больших социальных теорий. Социальное действие далее не толкуется как дополнение к структурам общества; сами структуры общества предстают воплощениями социального действия, различными формами его воспроизводства.

В аспекте социально-идеологическом кризис структурной социальной получил выражение и в ряде концепций, заявивших о конце философии, науки, культуры, истории, субъекта, человека, социальной. Их разрушительный пафос, кроме прочего, был связан и с реакцией на трактовку социальных структур как внеиндивидуальных,

квазинатуральных, квазимеханических. Деструкция социальности в этом контексте представлялась прежде всего как *распад или демонтаж больших квазивещественных структур*, разделяющих и связывающих индивидов, поглощающих их энергию, приспособляющих (социализирующих) их к своим функциям. Деструкции социальности соответствовало разрушение теорий и методологий, останавливающихся на сведении индивидного бытия к большим структурам, представлявшим *социальность как редуцированное человеческое бытие*.

Социальной теорией и методологией, таким образом, улавливается *динамика структур социальности*, их индивидная мерность. Однако этого мало. Динамизм общественной жизни и многообразие социальных изменений в последние два десятилетия XX в. явно превышали теоретико-методологические возможности знания о социальном. Оно отображало отдельные аспекты социально-исторической динамики, но не в силах было охватить происходящее связными теоретическими моделями, соотнести глобальную, локальную и индивидуальную динамику социальности.

Многомерная социальность как сложная динамическая форма не схватывалась имеющимися познавательными средствами. Концепции социального и коммуникативного действия исчерпали свои методологические ресурсы. Они были *продуктивны в противостоянии позитивистским представлениям о структурах социального как квазивещественных или овеществленных формах*, они подчеркивали человеческий, индивидуальный характер социальных взаимодействий. Но именно эта акцентуация оборачивалась сужением поля социальности до масштабов непосредственного общения. Опосредованные связи людей, социальное время как связь и последовательность различных человеческих актов, социальные качества человеческой предметности (тех же вещей) как хранители и трансляторы человеческого опыта — все это оставалось за рамками объяснительных возможностей социального действия.

Возникали проблемы с объяснением социальных форм, их устойчивости и субъектности. Скажем, устойчивость социальной формы достаточно просто можно было объяснить, опираясь на стереотип квазивещественного ее представления как жесткой структуры, «внутри» которой или «вокруг» которой собираются люди. Гораздо труднее объяснить не пространственную, а временную устойчивость

социальных форм как форм динамических, как форм деятельности, связывающих разделенных, дистанцированных друг от друга индивидов, превращающих корпускулообразную, казалось бы, «рассыпанную» социальную связь в мощную субъектную композицию (как это происходит в современных экономических, научных, военных стратегиях). Причем, сама дискретность, пространственная распределенность и разделенность социальной связи оказывается важным условием ее качественного синтеза, собирания, динамизации, умножения человеческих сил.

Знание в рамках социального действия так или иначе сводилось к феноменальной данности *другого* или к воспроизведению ранее усвоенных (социализированных) представлений, норм, стандартов. Проблема проектирования и конструирования социальной реальности предполагает *выход* за границы *данной* социальности, но методологически это означает и выход за пределы социального действия. Такой переход может реализоваться через учет социальных качеств вещей, через включение в непосредственно не данные и в этом смысле пространственно не представленные формы социальности, через схемы, модели и картины, фиксирующие разные аспекты многомерной социальности. Феноменологически ориентированное знание социального действия в этой ситуации оказывается недостаточным. Социальность требует знания во многом и по-разному превосходящего непосредственную данность человеческих взаимодействий.

Антиредукционизм

как попытка постклассического синтеза

Научное обществознание с присущим ему строем и функциями, с его интеграцией по принципу «взаимоисключающего взаимодополнения» (представлявшимися «естественными») оказывается под вопросом во второй половине XX столетия, когда начинается полоса практических и теоретических кризисов. Типологическое родство этих кризисов проявляется в проблеме соотношения структур и людей. Большие структуры, «адаптирующие» к себе индивидуальную жизнь людей, выявляют свою ограниченность и непродуктивность по всему «фронту»: в экономике, политике, науке, образовании. Они обнаруживают свою несостоятельность в процессе перехода от экстенсивных к интенсивным формам деятельности, в переориентации общества на качественные изменения в сферах производства и экологии, преобразования системных связей социальности, технологии, информации.

Тем не менее, практически необходимость в интеграции обществознания, осознается достаточно остро. Сама практическая потребность в «связывании» дисциплин обществознания, присущих им представлений и стилистик исследования указывает на то, что единство обществознания *определяется не столько стандартами познания, сколько общими проблемами, стоящими перед людьми в их совместной и индивидуальной жизни, типом проблем, характерных для современного социального мира, связью проблем глобального характера и проблем индивидной самореализации людей.* Намечается новая философия интеграции обществознания, а вместе с ней и переосмысление бытийных оснований обществознания, его истории и перспектив, его связи с практикой общества, его соотносительности с естествознанием и широко понимаемой культурой.

«Фокусирование» ориентаций обществознания в проблемно-смысловом «поле» бытия людей указывает и на ограниченность прежних установок дисциплинарно-отраслевого разделения обществознания, его интегрирования по принципу «взаимоисключающей взаимозависимости». Все более очевидной становится зависимость этих установок от практики воспроизводства общества как большой структуры, в рамках и на фоне которой реализуется жизнь социальных индивидов. Явной становится непродуктивность методологических концепций, фактически отождествлявших системность общества с его машинообразной или функциональной структурностью (догматический марксизм, структурно-функциональный анализ). Поскольку в трактовке социальных систем на первый план выходит проблема их *изменения и становления* — и в плане формирования качества жизни отдельного общества, и в плане системного оформления связей человеческого сообщества, — постольку все более осознается, как практическая и познавательная задача, необходимость представить *зависимость структурности* общества от самореализации человеческих индивидов. Таким образом., понимание взаимосвязанной индивидной жизни людей оказывается «ядром» трактовки воспроизводящейся и меняющейся социальности. Прежде всего, практические стимулы предопределяют выход за рамки стереотипов, противопоставлявших совместное и индивидуальное, социальное и личностное, экономику и психологию, структуры и людей. Реализация этой перспективы означает переосмысление характера интеграции обществознания и, вместе с тем, — логических и методологических стереотипов, задававших определенный стиль

исследования и трактовки жизни людей в обществе. Формы новой стилистики общественнознания в значительной мере связаны с конкретизацией его роли в структурах воспроизводства и развития совместной и индивидуальной жизни людей.

О социальном значении индивидуального бытия людей, его разнообразии и многомерности можно не думать, когда общественная система работает как «механизм», как «машина». Но поскольку во второй половине XX в. таких «механизмов» оказывалось все меньше, возникали сильные сомнения в самом устройстве социальных систем по принципу «механизма», все настоятельнее выдвигались вопросы трактовки человеческих индивидов как «ядерных» структур, обеспечивающих энергетику социального бытия, поддерживающих и обновляющих его формы. Именно *субъектность* человеческих индивидов, а не только их присутствие в социальности (тем более — не редукции их жизни и деятельности), оказывается решающим условием обновления социальных форм, будь то суперсистемы в духе Валлерстайна, Хантингтона или Мартинелли, взаимодействие культур или общественные институты.

Решающими были не идеологические или теоретические мотивы, а поиск ресурсов, обеспечивающих развитым обществам возможность сохранения во второй половине XX столетия экономической, культурной, политической динамики. Главными оказываются мотивы, которые обобщенно можно определить как установку на *качественное* использование человеческой деятельности, на максимальный учет человеческих возможностей в целях интенсификации всех форм социального воспроизводства, на изменение характера связи объективированных средств, коммуникативных, организационных структур и индивидуальной самореализации как конструктивного и энергетического фактора совокупной деятельности.

В политике аналогичные сдвиги обернулись кризисом структур, построенных по принципам механизма. В культуре — провалом глобальных просветительских проектов. В науке — кризисом Большой науки, функционирующей по схемам фабрично-заводского производства, падением в обществе авторитета научного познания. Формы простой кооперации и механической солидарности, встроенные в эти структуры, были исчерпаны и не выдерживали напряжения новой социальной энергетики.

Антиредукционизм — как методологическая ориентация — оказывается востребован, когда возникают проблемы системных

кризисов общества, проблемы изменения его структур, проблемы *поиска и обнаружения человеческих ресурсов обновления общества*. Эти тенденции наметились в 70-е гг. XX столетия и дали о себе знать в появлении и развитии концепций гуманитаризации социальной философии и научного обществензнания, через которые, собственно и осмысливались тенденции гуманизации социальности.

Вопрос об антиредукционизме достаточно сложен, прежде всего потому что до сих пор антиредукционизм трактовался как реакция на классическую (объектную) научность. В данном случае речь идет об антиредукционизме не как о нигилистической и антирационалистической реакции на классическую научность, но как о методологической стратегии, отвечающей потребностям понимания динамики общества, связи этой динамики с самобытностью составляющих его индивидов, с пониманием человеческих различий как ресурсов качественного обновления социальных форм.

Итак, *методология постклассического антиредукционизма предстает методологией динамики социального бытия*. Сама эта динамика в методологическом плане детализируется в задачах сохранения и развития социального воспроизводства, проектирования и конструирования связей бытия, обеспечения и развития социальных взаимодействий. Последняя задача четко сопряжена с вопросами выявления особенностей, различий, индивидуальной структуры субъектов, создающих ситуацию взаимодействия. Отсюда возникает и проблема становления, сохранения и изменения социальной формы как формы взаимодействия конкретных субъектов. В этом же пункте наиболее отчетливо возникает перспектива рассмотрения субъектной и индивидуальной размерности социальных проектов, моделей, конструкторов, становящихся формами социальных взаимодействий. В общеметодологическом плане это, по сути, — проблематизация, операционализация, инструментализация систем отсчета, предложенная А.Эйнштейном. В *плане социально-онтологическом* это — проблематизация, динамизация, персонализация социальных форм, *выведение их из контекста полисубъектной социальности*.

Таким образом, для постклассического антиредукционизма *социальная онтология* — это онтология динамическая, допускающая существование и рассмотрение устойчивых, «сверхчеловеческих» структур как форм, производных от взаимодействий, возникающих в совместной и индивидуальной деятельности людей, в их прямом и опосредованном общении. Эта онтология субъектна или полисубъектна

в том смысле, что фиксируемая ею динамика социальности имеет в качестве своей основы элементарные формы и ядерные энергии человеческих индивидов, складывающих или умножающих свои действия в различных кооперациях*. Это — онтология многомерности, поскольку полисубъектные связи не редуцируются к какой-то одной модели общества и не могут быть «схвачены» с одной точки зрения, что создает, конечно, особые методологические и гносеологические сложности. Сама онтология обнаруживается как создание субъектов, как схема или схема схем, характеризующая, поддерживающая, воспроизводящая связи бытия. Общее здесь — разделяемое и связываемое пространство-время, социальный хронотоп. Многомерность взаимодействий, результат совместного воспроизводства.

В гносеологии антиредукционизм ориентирован на выявление специфики объектов, их особой логики и, в этом смысле, их самобытности. Неизвестное становится известным не за счет сведения его к заранее сформулированным классификациям и типизациям, а за счет выяснения особого, присущего ему способа бытия.

Одной из ключевых особенностей антиредукционизма является установка на формирование концепции объекта в процессе взаимодействия с ним и в процессе его познания. Концепция объекта может быть вполне рациональна, но она начинается с момента установления отличия объекта от других объектов и разворачивается как выяснение специфической логики его бытия. Идея различия формируется как начальное условие взаимодействия и познания, она работает в процессе взаимодействия с особым объектом (субъектом), она определяет цели познания и взаимодействия, она имеет несомненное ценностное значение, поскольку предполагает процесс собирания, воспроизводства и обогащения социальных форм, говоря иным языком, — ориентирует проекты сохранения и обновления совместной и индивидуальной жизни людей, их выживания и развития.

Логика такого процесса не существует *априори*, она существует только в процессе кооперирования качественно различных вкладов. Это не логика тождества, сводящего различия к общему, уравнивающему их знаменателю, это — *логика различия*, логика конкретно

* Р. Коллинз называет индивидов «узлами сетей социального взаимодействия» (Коллинз Р. Социология философии // Личность, культура, общество. Т. III, вып. 3(9) 2001, С.49). Я предпочитаю говорить об индивидах как ядерных силах и формах бытия, подчеркивая динамику социальности, ее становление, воспроизведение, изменение.

складывающейся полисубъектности, где сами, реализующие деятельность субъекты оказываются много весомее исходных установок. Это — логика повседневного синтеза, которым живо человеческое бытие. Но она остается проблемой необычной сложности, потому что ею связываются все новые, вовлекаемые в деятельность субъекты, несущие в себе разнообразие социальных типов, культурных эпох и повседневных интересов.

В логике ориентиром становится выяснение общего, характеризующего особый способ бытия объекта, специфику связи между субъектами, воспроизводство системы, форму ситуации. Общее и особенное равномошны. Они с разных сторон характеризуют бытие объекта. В методологии редукционизма общее, особенное и единичное были неравномошными в том смысле, что доминантой оказывалось общее. Оно предшествовало особенному и единичному, оно их связывало и упорядочивало, очищало от «наслоений» случайного и индивидуального, делало их прозрачными для познания, подготовленными для манипулирования. Но поскольку объект более не тождествен вещи, а связь между объектами (и субъектами) — логике вещей, приходится рассматривать логику не только как некий твердый результат (или исходный пункт), но и как форму становления или изменения бытия, как динамическую форму социальной полисубъектности.

* * *

Мне уже приходилось писать о том, что сведение и выведение — связанные между собой этапы конкретного исследования сложных, прежде всего социальных систем, что они могут трактоваться как стороны симметричного процесса, в котором исследование не застревает на абстрактных характеристиках сложного объекта, а сопутствует ему в его воспроизводящемся и изменчивом бытии*. В этой статье хотелось бы подчеркнуть социально-историческую укорененность редукционизма и антиредукционизма в изменениях общества, в становлении современных форм социальности. С точки зрения такого социально-философского подхода, редукционизм и антиредукционизм не просто оппозиции или дополняющие друг друга методологические стратегии, они в своих эволюционирующих взаимоотношениях своеобразно выражают направленность социально исторической динамики, её форм и ритмов. С точки зрения логической, редукционизм остался

* См.: Кемеров В.Е. Методология обществознания, проблемы, стимулы, перспективы. Свердловск, 1990.

той же самой процедурой, что и сто пятьдесят лет тому назад, но с точки зрения практических задач и задач новейших научных исследований, его роль заметно изменилась. Причем сама эта роль теперь по преимуществу определяется в контексте антиредукционистских стратегий.